

Санкт-Петербургский государственный университет

БЕСОЛОВА Снежана Антоновна

Выпускная квалификационная работа

Образы солнца, луны и ветра в литовской фразеологии

Уровень образования: бакалавриат

Направление 45.03.02 «Лингвистика»

Основная образовательная программа СВ.5055. «Иностранные языки»

Профиль «Литовский язык»

Научный руководитель:

к.филол.н.,
доцент кафедры общего
языкознания им. Л.А.Вербицкой,
Казанскене Ванда Пятровна

Рецензент:

кандидат филол. наук,
методист Центра
типологии и семиотики
фольклора РГГУ
Дувакин Евгений
Николаевич

Санкт-Петербург
2022

Содержание

Введение	3
Глава 1. Теоретическая часть.....	5
Определение фразеологии.....	5
Классификация фразеологизмов.....	8
Глава 2. Солнце	13
Структурно-семантический анализ.....	13
Употребляемость	21
Глава 3. Луна	22
Структура	22
Употребление	25
Глава 4. Ветер.....	26
Структура	26
Употребление	34
Глава 5. Сравнительный анализ	36
Заключение	40
Список литературы	42

Введение

Как известно, язык является отражением культуры народов, которые на нем говорят. Исходя из этого, фразеологизмы – наглядные примеры такой функции языка, так как не только являются по сути своей емкими и образными, но и зачастую корнями уходят в культуру, мифологию, религию.

Среди явлений и образов, появляющихся в фразеологизмах, наиболее интересными для изучения мне кажутся образы небесных светил, которые с древних времен играли важную роль в культуре и часто воплощались в образах божеств, и природных явлений, которые также играли важную роль в жизни людей (не в последнюю очередь из-за влияния на земледелие, урожайность).

Именно поэтому в данной работе я решила рассмотреть образы солнца, луны и ветра в литовской фразеологии.

В работе будут рассматриваться следующие вопросы:

1. В какой коннотации употребляются эти образы?
Какая преобладает?
2. Есть ли связь структурных и семантических групп данных фразеологизмов?
3. Насколько употребительны эти фразеологизмы?

Цель исследования – проанализировать выбранные фразеологизмы, проверить их употребительность, сравнить между собой получившиеся результаты.

Объектом исследования являются фразеологические единицы, имеющие в составе лексемы «солнце», «луна», «ветер» и их производные.

Материал для исследования взят из двух основных электронных ресурсов – литовской базы фразеологизмов (LKIS) и электронной версии словаря литовского языка (LKŽ) с привлечением дополнительных источников.

Глава 1. Теоретическая часть

Определение фразеологии

Фразеология – это особый аспект лексикологии, независимая ветвь лингвистики, которая изучает устойчивые словосочетания или *фразеологизмы*. Впервые фразеологию как самостоятельную лингвистическую дисциплину выделил швейцарский лингвист Шарль Балли в своей работе «*Traité de stylistique française*». В России становление и развитие фразеологии связано с такими именами, как Виноградов, Шанский. Несмотря на большое количество трудов, посвященных фразеологии, исследователи определяют фразеологию по-разному. Термин «фразеология» (от фр. *Phraséologie*) был впервые введен и использован исследователем Ш. Балли как «раздел стилистики, изучающий связанные словосочетания» [Балли 1961: 15]. ФЕ он определяет как «сочетания, прочно вошедшие в язык» [Балли 1961:90].

Согласно В.В. Виноградову, фразеологические единицы, или, как их называет сам Виноградов, сращения, это семантически неделимые обороты, «значение которых совершенно независимо от их лексического состава, от значений их компонентов» [Виноградов 1977: 5]. Как видим, к признаку связанности Виноградов добавил отличность семантики ФЕ от ее компонентов по отдельности.

В исследованиях Н.М. Шанского «объектом изучения фразеологии являются фразеологические обороты, т. е. устойчивые сочетания слов, аналогичные словам по своей воспроизводимости в качестве готовых и целостных значимых единиц» [Шанский 1996: 22]. То есть, фразеологизмы существуют в языке как отдельные лексические единицы, поскольку их значение часто синонимично конкретному слову. Именно этим они

отличаются от словосочетаний, которые не закреплены постоянным употреблением и не ограничены определенной формой. Такой подход нашел отражение и в его классификации фразеологизмов, которые он делит на составляющие словосочетания и составляющие предложение, и в работах других языковедов, например, А.Г. Назаряна [Назарян 1987: 58-65], который в классификации фразеологизмов французского языка выделяет в том числе предикативные ФЕ с замкнутой структурой, выражаемой в простых или сложных предложениях.

Но можно ли относить к фразеологическим единицам только устойчивые выражения, равные по смыслу слову? Безусловно, некоторые исследователи рассматривают фразеологию именно в узком смысле, отсекая законченные по смыслу сочетания слов. Однако обратившись к тому же Н.М. Шанскому, мы увидим, что в качестве основного критерия определения фразеологизмов он считает то, извлекаются они из памяти целиком или создаются в процессе общения [Шанский 1996: 24], а также включает

Среди прочих признаков ФЕ исследователи также устойчивость. В. Н. Телия основными признаками фразеологизмов считает семантическую нечленимость, т. е. «невыводимость общего значения из суммы значений компонентов, воспроизводимость, которая проявляется в абсолютной или относительной воспроизводимости словосочетаний» [Телия 1996: 56].

Схожую позицию занимает литовская исследовательница Рута Марцинкявичене, характеризуя ФЕ как «устоявшиеся стабильные словосочетания, которые берутся из памяти, а не создаются каждый раз заново» [Marcinkevičienė 2010: 21]. В корне я согласна с этими утверждениями, однако хотела бы более четко очертить «границы» устойчивости. На мой взгляд, правильным будет не ограничивать фразеологизмы абсолютной строгостью формы и учитывать, что их лексический состав мог видоизменяться и пополняться альтернативными

элементами (например, разными формами слова) с течением времени. Такой подход также позволит нам рассмотреть изучаемые фразеологизмы не только в семантическом, но и в историческом аспекте.

Отдельно следует подчеркнуть, что часть исследователей относят пословицы и поговорки к ФЕ [Шанский 1972: 196], другие - нет [Виноградов 1986: 67]. В этой работе я склонна разделять позицию Шанского касательно границ фразеологии, и рассматривать не только словосочетания, но и целые фразы (пословицы и поговорки), так как они обогащают состав анализируемого материала и помогают лучше понять природу изучаемого образа.

Классификация фразеологизмов

Как мы уже выяснили, ФЕ обладают набором отличительных особенностей и качеств, а это значит, что их можно классифицировать в зависимости от того, какие из этих качеств принимаются во внимание. Рассмотрим несколько таких классификаций.

К примеру, В. В. Виноградов, выделяя в определении ФЕ их связность как основной признак, разделяет их на три группы именно по степени слитности [Виноградов 1977: 140-161]:

- Фразеологические сращения – неделимые устойчивые обороты, целостное значение которых не зависит от значения составляющих их компонентов.
- Фразеологические единства, компоненты которых обладают семантической раздельностью. Целостное значение таких фразеологических единиц напрямую зависит от индивидуального значения слов, входящих в состав данного фразеологизма.
- Фразеологические сочетания, компоненты которых могут обладать как свободным, так и фразеологически связанным употреблением.

К классификации Виноградова Шанский позднее добавил четвертую группу: фразеологические выражения [Шанский 1995: 22].

Фразеологическое выражение – «это устойчивый в своем составе и употреблении фразеологический оборот, который не только является семантически членимым, но и состоит целиком из слов со свободным значением» [Шанский 1995: 23], например, *всерьез и надолго, под лежащий камень вода не течет*, иными словами, включает в эту классификацию и пословицы.

Разделение может проходить и по семантическому признаку, как, например, в работах литовского лингвиста Йонаса Палёниса [1985, 221–222], который разделяет их на:

- Идиомные фразеологизмы (или идиомы) – такие ФЕ, в которых общий смысл никак не мотивирован семантикой отдельных компонентов, т. е. то, что Виноградов называет сращениями.
- Неидиомные фразеологизмы, в которых более-менее прослеживается связь между семантикой элементов и ФЕ в целом. Такие фразеологизмы, в свою очередь, делятся на две подгруппы:
 - Ясной мотивации («*ryškios motyvacijos*») – которые «семантически связаны с образующими их словами». К таким ФЕ Палёнис относит, например, метафоры и метонимию. Он добавляет, что такие ФЕ могут употребляться и в прямом смысле, и разницу может показать только контекст (например, *akis sumerkti „užmigti“* – прикрыть глаза «заснуть»).
 - Неясной мотивации («*neryškos motyvacijos*») – значение таких ФЕ в меньшей степени сходится со значением компонентов (*nosį nukabinti „nuliūsti, nusiminti“* – нос повесить «загрустить, разочароваться»). Граница между такими и идиомными фразеологизмами довольно размыта, но Й. Палёнис добавляет, что «приблизительный смысл ФЕ неясной мотивации можно понять и без контекста, тогда как идиомам он необходим».

Кроме того, ФЕ могут быть классифицированы структурно. Такую классификацию, помимо семантической и стилистической, предлагает Н.М. Шанский [Шанский 1957: 122-124]. На основе этого критерия языковед делит фразеологизмы на две группы:

1. Фразеологизмы, составляющие предложение.

- Коммуникативные фразеологизмы, выражающие целые предложения.
- Номинативные фразеологизмы, передающие какое-либо отдельное явление действительности.

2. Фразеологизмы, представленные в качестве словосочетаний.

- Фразеологические обороты, составляющими компонентами которых являются имя прилагательное и имя существительное
- Фразеологические обороты, состоящие из глагола и существительного
- Фразеологические обороты, состоящие из глагола и наречия
- Фразеологические обороты, составленные из двух существительных, одно из которых стоит в родительном падеже
- Фразеологические обороты, состоящие из двух имен существительных, одно из которых выражено в предложной форме

Семантическую и структурную классификацию объединяет А.В. Кунин [Кунин 1972: 93], предлагая четыре группы ФЕ:

1. Номинативные фразеологические единицы – выражения, которые служат для называния, обозначения предметов, действий или явлений. Данная группа делится на:

- Номинативно-субстантивные фразеологические единицы (служат для называния предметов или явлений)
- Номинативно-адъективные фразеологические единицы (называют признаки предметов или явления)
- Номинативно-адverbialные и предложные фразеологические единицы (служат для обозначения образа действий предметов или явлений)

2. Номинативно-коммуникативные фразеологические единицы, которые включают в себя глагольные фразеологизмы, могут быть как словосочетаниями, так и предложениями, и чаще относятся к человеку и его состоянию.

3. Междометные и модальные фразеологические единицы служат для выражения эмоций.

4. Коммуникативные фразеологические единицы включают в себя пословицы и поговорки. В данную группу входят фразеологические единицы, которые являются предикативными предложениями.

Рассматривается во фразеологии и классификация по синтаксическим функциям. Так, литовская исследовательница Э. Якайтене определяет у ФЕ функции подлежащего, сказуемого и других членов предложения. Эти функции определяют главные слова в фразеологическом сочетании: существительное – подлежащее или дополнение, глагол – сказуемое и т. п. Однако нередко функции обстоятельства или именной части составного сказуемого могут выполнять существительные и сравнительные обороты (*bankai –kiaura kišenė* «банки –дырявый карман», *žiūrėjo suniukę kaip debesį* «смотрел хмурый, как туча»). Также фразеологизмы часто выполняют роль междометий, в том числе из-за их экспрессивности (*вот так клюква!* – удивление, разочарование, *ну дела!* – удивление, замешательство) [Jakaitienė, 2010, 303–304].

Наконец, исследуются ФЕ и с точки зрения стилистики. Так, И.А. Федосов выделяет книжные, нейтральные, разговорные и просторечные фразеологические единицы [Федосов 1977: 37].

Н.М. Шанский объединяет разговорные и просторечные фразеологические единицы в один стилистический пласт «фразеологических оборотов разговорно-бытового характера», но, с другой стороны, выделяет на

правах особого стилистического разряда в рамках книжной фразеологии ещё «фразеологические архаизмы и историзмы» [Шанский 1995: 26].

В.М. Мокиенко подчеркивает, что «в системе фразеологии разговорно-просторечные единицы являются в какой-то степени единицами «нейтральными», ибо в силу своей исключительной частотности они и становятся точкой стилистического отсчета» [Мокиенко 1989: 113].

В данном исследовании я буду опираться преимущественно на классификацию по структурно-синтаксическим функциям фразеологизмов, – являются ли они предикативной единицей, обстоятельством, определением (в литовском языке оно чаще всего представлено родительным падежом существительного), либо же сравнением. Таким образом, мы можем разграничить семантические оттенки образов в разных ролях – актанта, объекта действия, признака другого элемента предложения или обстоятельства. Внутри структурных групп я также буду выделять семантические подгруппы.

Глава 2. Солнце

Структурно-семантический анализ

В ходе исследования на основе 2 основных источников – словаря литовского языка и словаря литовских фразеологизмов (далее LKŽ и FŽ соответственно) было обнаружено 43 ФЕ, которые имеют в своем составе компонент «солнце» или его производные.

Больше всего оказалось номинативных ФЕ – 23, следующая крупная группа - предикативные сочетания с солнцем в качестве подлежащего – 13. Глагольных сочетаний оказалось немного – всего 5, сравнений – 3, предложно-падежных конструкций – 1.

Предикативные фразеологизмы

Большая часть найденных предикативных ФЕ описывает приход радости, лучшей жизни:

septynios saulės patekėjo «семеро солнц взошло» – пришла радость

Elzbietai septynios saulės patekėjo nuo tokių žodžių. (LKŽ) (У Эльзбиеты семь солнц взошло от таких слов.)

kita saulė pateka pro langą «другое солнце восходит в окне» – стало весело, приятно

Jeigu per keturiolika šešiolika valandų darbo keturis litus užkai, tai, rodos, kita saulė pro langą pateka. (FŽ) (Если через четырнадцать-шестнадцать часов работы четыре лита зарабатываешь, значит, другое солнце встает за окном.)

saulė įspindo į (kieno) langą «иное солнце заглянуло в (чьё-то) окно» – пришло счастье, чья-то жизнь улучшилась

Argi iš tikrųjų įspis saulė ir į mūsų langą? (FŽ) (Неужели вправду заглянет солнце и в наше окно?)

saulė nušvito «началась лучшая жизнь» – солнце засветило

Palauk truputį. Ir tau nušvis saulė (LKŽ). (Подожди немного. И тебе засветит солнце.)

saulė prašvis «солнце просияет» – жизнь улучшится

Prašvis dar ir man saulė. (LKŽ) (Просияет еще и мне солнце.)

Во всех этих фразеологизмах приход радости связан с появлением солнечного света.

Однако такие фразеологизмы могут иметь и более прямое значение, например:

saulė ritinėjasi žeme (возможны варианты: *saulė railioja/raičiojasi* «солнце катается/слоняется по земле» - солнце светит очень ярко),

так как он связан с крупным образом солнца как в мифологии литовцев, так и в мировом представлении. Под солнцем в данном контексте может пониматься колесо, ассоциация которого со светилом характерна для балтийского (т. е. литовского и латышского) фольклора¹ [Rzauskas 2014: 20].

Про человека преклонного возраста или близкого к смерти говорят:

saulė neaukštai – baigiasi gyvenimas («солнце невысоко – кончается жизнь»), или менее буквально «солнце скоро сядет»)

Gal paskiau ir mano vietą kada nors galėsi užimti, kai aš numirsiu. Matai juk, mano saulė jau nebeaukštai. (FŽ) (Может, потом и моё место когда-нибудь сможешь занять, когда я умру. Видишь ведь, мое солнце уже невысоко.)

¹ Например, в песнях:

Kas tar teka par dvarelį

(Кто там ходит по двору?)

Saula ridulėla

Солнце катается

Saulala, Saulala, ridulėla

Солнышко, солнышко катается)

или в загадках: *Atsirta ritinys per aukštus kalnus, per liepų kelmus – ir šmakšt j molio skylę* («Катится колесо по высоким горам, по липовым пням – и плюх в дырку с глиной»); *Auksinis obuolėlis po žemę ritinėja* («Золотое яблочко по земле катится»).

Отдельно стоит упомянуть еще одно фразеологическое сочетание, относящееся к выражению очень дальнего родства:

po viena saule vystyklus džiovino «под одним солнцем пеленки сушили»

Доподлинно неизвестно, является ли литовское выражение заимствованием, но указанное в словаре В. Креве-Мицкявичюса (1937) (LKŽ) место, где фразеологизм был задокументирован – Кретинга – находится на берегу Балтийского моря и, соответственно, не граничит со славянскими территориями, так что вероятность заимствования минимальна, и выражение могло появиться в общую балто-славянскую эпоху.

В более прямом смысле – для обозначения времени или погоды – употребляются следующие ФЕ:

saulė ežiose «солнце на межах» - закат

Saulė ežiose - jau kiaulės namie! (FŽ) (Солнце на межах– уже свиньи дома!)

*saulė įlindo į antį*² «солнце влезло за пазуху» - очень жарко

Можно заметить, что ФЕ, где солнце является субъектом активного действия (просиять, вставать, кататься), выступают в качестве положительного знамения, как в прямом смысле – приход ясной, хорошей погоды, так и в более образном – надежда на приход лучшей жизни. В случае же, где описывается состояние солнца (быть (часто опущенное)), или его уход, коннотация или нейтральная, или негативная. Таким образом, можно предположить, что солнце в литовской фразеологии – абсолютный символ счастья, добра, в отличие, например, от луны (подробнее об этом в разделе «Месяц»).

² Такое употребление приводит LKŽ s.v. *saulė* с указанием, что такое употребление встречается в Тельшай (Жемайтия).

Сравнения

В литовском, например, есть несколько фразеологических сочетаний, которые связывают положительные качества человека, чаще всего красоту, с родством с солнцем:

graži kaip saulės duktė «красива как дочь солнца», т. е. очень красивая девушка,

kaip saulės marti «как невестка солнца» – также о красивой девушке, и в более узком смысле – о наряженной.

Такие сравнения, скорее всего, исходят из того, что в балтийских языках слово «солнце» – женского рода, а в фольклоре – лицо женского пола. Присущий изображению природных явлений принцип в мифологии – это антропоцентризм, представление в виде человека для упрощения сложного абстрактного образа и приближения его к реальности, а точнее – установление родственных связей, которые «для человека являются наиболее понятными и нерушимыми» [Лосев 1988: 10]. Солнцу в литовской мифологии отведена роль матери, и в песнях ее обычно называют *матушка*, а иногда и *бабушка* [Laurinkienė 2019: 81]. Во многих народных песнях солнце также называют дочерью Бога, соответственно, солнце – богиня [Razauskas 2014: 26]. Из этого можно сделать вывод, что фразеологические сравнения с солнцем указывают на то, что упоминаемая девушка, красотой сравнима с богиней.

Глагольные

Среди глагольных

saulę užstoti «заслонить солнце» – мешать жить

O ką gi Nainys padarė? Duoną kam nors atėmė? Saulę užstojo? (А что же Найнис сделал? Хлеб у кого-нибудь отнял? Солнце заслонил?)

saulės spindulius išvysti «увидеть солнечные лучи» – родиться

Pagal gimimą jis buvo, kaip žmonės kalba, devyntėvis vaikas ir kaip toks, tik ką išvydęs saulės spindulius, jau buvo persekiojamas ir nelaimingas. (По рождению он был, как люди говорят, непутевый (буквально: "с девятью отцами") ребёнок и такой, только увидевший солнечные лучи, он уже был невезуч и несчастлив.)

su saule neperbus «с солнцем долго не будет» – долго жить не будет

Tiktai reikia gerus sąrašus padirbti, o senis su saule neperbus. (FŽ) (Надо только хорошие списки составить, а старик с солнцем долго не будет.)

saulės nematyti «солнца не видать» – находиться взаперти, внутри³

К глагольным я также отнесла сочетание, где глагольная часть опущена,

saulės keliu (другие варианты: *saulės lanksmu, saulės lankstu*) ***lenktis*** «клониться дорогой/обходом солнца» - избегать, обходить кого-то дугой

Saulės lankstu lenkis nuo tokio žmogaus. (FŽ)

Как и в случае с предикативными фразеологизмами, в основном преобладает корреляция семантики глагола с семантикой ФЕ в целом – уход солнца, его блокирование или полное отсутствие имеет негативную коннотацию, появление, встреча с солнцем – позитивную.

³ Здесь представлено определение из словаря, однако в ходе исследования по корпусу было найдено гораздо больше примеров другого значения, не отмеченного в словаре – «быть бледным, болезненно выглядеть» (8). Для сравнения, примеров отмеченного в словаре значения всего 4.

Номинативные сочетания

Номинативные ФЕ можно разделить на несколько семантических групп:

- характеристика человека:

saulès kūdikēlis «ребеночек солнца» – святой/уступчивый человек (FŽ)/ хорошая и красивая женщина (LKŽ)

Su juo ir saulès duktē nesutiktu. (FŽ) (С ним бы и дочь солнца не согласилась.)

Определения в словарях расходятся, в последнем указывается также вариант главного слова *duktē*, похожий на ранее встреченное нами сравнение, что заставляет сомневаться в истинности определения, данного словарём фразеологизмов, однако в корпусе не нашлось примеров, чтобы подтвердить или опровергнуть данное предположение.

saulėje vypsantis «зевающий на солнце» – лентяй/несерьезный человек

Ana saulėj vypsančiam paliks turtą. (LKŽ) (Та зевающему на солнце оставит богатство.)

saulès panelė «солнечная госпожа» – лентяйка

saulès svetys «гость солнца» – боящийся обгореть/лентяй

У этого фразеологизма существует и аналог в женском роде:

saulès viešnia «гостя солнца» боящаяся обгореть/лентяйка

Однако у всех трёх отсутствуют примеры употребления, как в словарях, так и в корпусе.

- сочетания, обозначающие период времени:

saulès amžius «солнечный век» – долгая жизнь

saулès dienos «дни солнца» – беззаботная жизнь

Здесь можно проследить связь солнца с человеческой жизнью, мерилom которой оно является, как и в случае с ранее упомянутым предикативным фразеологизмом *saулè neaukštai* «солнце невысоко».

- фитонимы:

<i>saулès ašarèlès</i> «слезки солнца»	Гвоздика песчаная
<i>saуlių ašara</i> «солнечная слеза»	РосЯнка круглолистная
<i>saулès krislelis</i> «солнечная пылинка»	Незабудка
<i>saулès krèslas</i> «кресло солнца»	Пижма
<i>saулès krèšliukai</i> «креслица солнца»	Первоцвет/Примула
<i>saулès rakteliai</i> «солнечные ключики»	Первоцвет/Примула

- зоонимы:

<i>saулès sūnus</i> «сын солнца»	Павлин
<i>saулès šunelis</i> «собачка солнца»	Светлячок

- сочетания со значениями «месяц, луна»:

čigono saулè «цыганское солнце»

Marceliut, nebereikia, geriau nebereikia - čigono saулè . (Марцелик, не надо больше, лучше не надо – цыганское солнце.)

vaikių saулè «солнце парней»

В обоИх ФЕ, представленных выше, семантика, вероятно, исходит из того, что луна – главное светило ночи, при котором более активны молодые люди, а также действуют цыгане.

saулès brolis «брат солнца»

Это сочетание представляет особенный интерес с фольклорной точки зрения, так как отражает одну из версий родства солнца и луны в литовском фольклоре (брат и сестра), притом наименее распространенную, так как гораздо более распространена версия о том, что солнце и луна – муж и жена. Однако в найденном материале она не представлена.

Стоит также отметить, что в корпусе этот фразеологизм встречается в значении «радостный, всегда довольный» (... *viskuo patenkintas, optimistas: Ans yra tikras saulės brolis* – Всем довольный, оптимист: Он настоящий брат солнца.), которое мы увидим далее в сравнении *kaip mėnuliukas* «как месяцок». Как видим, в данном случае перифраза не просто выражает один образ через другой, а перенимает его семантику.

Употребление

Анализ корпуса литовского языка показал, что, несмотря на всю выразительность перечисленных выше фразеологизмов, на сегодняшний день употребляются лишь немногие из них.

Наименее употребительны оказались предикативные единицы – из них нашлись только *saulė nušvito* и *saulė ritinėjasi žeme* (только с таким вариантом глагола).

Из номинативных употребительными оказались 3 – *čigono saulė* «цыганское солнце», *saulės brolis* «брат солнца» (именно в значении «жизнерадостный человек») и *saulės amžius* «век солнца», последнее с наибольшим количеством примеров – 4.

Из сравнений было представлено только одно – *kaip saulės duktė* «как дочь солнца».

Из глагольных ФЕ примеры нашлись для двух – *saulę užstoti* «солнце заслонить» и *saulės nematyti* «солнца не видеть» (и в значении «находиться взаперти, внутри», и в значении «быть бледным»).

В общем и целом, можно сказать, что ФЕ с солнцем не употребляются широко. К тому же все найденные примеры относились исключительно к художественной литературе.

Глава 3. Луна

Структурно-семантический анализ

Эта группа оказалась самой немногочисленной среди трёх – в нее вошло только 16 ФЕ, из которых 4 – предикативные, 4 – номинативные, 2 – глагольные, 1 – предложно-падежная, и 5 – сравнения.

Предикативные

Почти все найденные предикативные ФЕ описывают процесс облысения:

mėnuo šviečia «луна светит» – лысая голова

Galvelėj mėnuo šviečia. (LKŽ) (На головке месяц светит.)

mėnuo teka «луна восходит» – голова лысеет

Jo galvos viršuje mėnuo tekėjo. (LKŽ) (На верхушке его головы месяц всходил.)

mėnulis patekėjo pakaušyje «луна вошла на затылке» – голова облысела

Pakaušyje mėnesėlis šviečia. (LKŽ) (На затылке месяц светит.)

Образ луны также используется в более прямом смысле – для обозначения течения времени. Однако, как можно заметить, здесь представлена не сама лексема «луна», а ее фазы:

delčios pilnijos išeina «уходит ущербная и полная луна» – тратится много времени

Išeina delčios pilnijos, kol tus plaukus nurankioji. (LKŽ) (Уходит ущербная и полная луна, пока те волосы собираешь.)

Глагольные

iš mėnulio nukristi «с луны упасть» – быть наивным

Naudojosi ir kaimynai, išjuokdami jaunos šeimininkus, sakydami, kad, tur būt, ši jauna pora iš mėnulio nukritusi... (FŽ) (Пользовались и соседи, высмеивая молодых хозяев, говоря, что, должно быть, эта молодая пара с луны упала.)

*mėnulį loti*⁴ «луну облаивать» – ненужное, бессмысленное действие

Сравнения

Сравнения с глагольным компонентом в точности повторяют представленные выше глагольные ФЕ и, скорее всего, от них же и образованы:

kaip nuo mėnulio nukritęs «как с луны упавший»

kaip į mėnulį loti «как на луну лаять»

Остальные сравнения характеризуют человека/общество, например,

kaip jaunas mėnuo/mėnulis «как новая (букв. молодая) луна» – редкий/скоротечный

- 1) *Pasirodo kartais, kaip jaunas mėnulis.* (FŽ) (Показывался редко, как молодой месяц.)
- 2) *O dabar, net sunku ir orientuotis, valdžia keičiasi kaip jaunas mėnuo.* (FŽ) (А теперь даже и ориентироваться сложно, власть сменяется как молодой месяц.)

⁴ Примеров ни в словаре, ни в других источниках найдено не было.

kaip mėnuliukas «как месяцок» – о веселом, жизнерадостном человеке

Kaip mėnuliukas - juokias visada. (FŽ) (Как месяцок – смеётся всегда.)

Таким образом, можем сделать вывод, что луна/месяц ассоциируются со странностью, непохожестью, с непостоянством или с жизнерадостностью – то есть имеют скорее нейтрально-положительную коннотацию.

Номинативные

Удивительно, но исконные номинативные ФЕ почти не представлены. Есть ФЕ, который, вероятно, является заимствованием,

medaus mėnuo «медовый месяц» калька,

mėnesio liga «лунная болезнь, лунатизм»

и похожий на предыдущий, но судя по всему, исконный фразеологизм, обозначающий болезнь

mėnesienos liga «болезнь лунного света» – эпилепсия

Также нашелся только один фитоним, связанный с луной (в отличие от солнца, у которого фитонимы составляют значительную часть номинативных фразеологизмов):

mėnesies rūtas лунная рута (Гроздовник полулунный)

Употребление

Помимо того, что фразеологизмы с луной немногочисленны, похвастаться широким употреблением они также не могут – примеры нашлись только для трёх ФЕ, одна из которых – предикативная (*mėnulis patekėjo pakaušyje* «луна вошла на затылке»), вторая – сравнение (*kaip jaunas mėnulis* «как молодой месяц»), а третья – номинативная (*medaus mėnuo* «медовый месяц»).

Первые два употребляются, как и «солнечные» фразеологизмы, только в художественной литературе, а третья – в художественной и публицистической.

Глава 4. Ветер

Структурно-семантический анализ

Эта группа оказалась самой многочисленной. Всего было собрано 90 ФЕ, из них больше всего глагольных – 30, и номинативных – 26.

Представлены также предикативные фразеологизмы (14) и предложно-падежные конструкции (15). Меньше всего оказалось сравнений – всего 4.

Так как ФЕ оказалось довольно много, и многие из них похожи на друга по структуре и семантике, отличаясь лишь одним словом, в этой главе я приведу лишь самые показательные и интересные, отмечая там, где это необходимо, возможные вариации элементов фразеологизма (глагола, предлога и т. п.).

Глагольные

Большинство глагольных ФЕ имеют семантику «тратить впустую, промотать» с возвратными глаголами, либо исчезнуть/истратиться – с невозвратными: так, например, есть 6 вариантов *ant vējo* («на ветер») в значении «потратить впустую» с разными глаголами:

~ *išleisti* «выпустить»,

Vienas brolis pypkq kūrenēš ir visq savo uždarbī su dūmais ant vējo išleidēš.
(LKŽ) (Один брат трубку курил и весь свой заработок с дымом на ветер выпустил.)

~ *paleisti* «пустить», также имеет второе значение «оставить без внимания»⁵,

⁵ Похожую семантику с глаголом «пустить» имеет также фразеологизм *ant vēju nulēisti* – «спустить на ветра», однако значение «потратить» уже не указывается, как и в случае с ФЕ *ī grīnus vējus išlēisti* – «на чистые ветра спустить».

Dėjo dėjo piningus ir ant vėjo paleido. (LKŽ) (Складывал-складывал деньги и на ветер пустил.)

~ **palikti** «оставить»,

Ką tu bėgsi, i paliks ant vėjo! (LKŽ) (Что ты бегать будешь, оставит на ветер!)

~ **pūsti** «дуть»,

Perka niekus, pinigų tik pučia ant vėjo. (FŽ) (Покупает бессмыслицу, деньги только на ветер дует.)

~ **sėti** «сеять»,

Ano mokslus nesėjo ant vėjo. (LKŽ) (Его учебу не сеял на ветер.)

~ **varyti** «гнать»

Taupyk jėgas, o tamsta sylą an vėjo varai. (LKŽ) (Копи силы, а то ты силу на ветер гонишь.)

Варианты глагола «идти» с различными приставками имеют значение «обратиться в ничто, потратиться», а первые два также имеют добавочную эвфемистическую семантику «облегчиться».

vėjais eiti «идти»

Šeimininkei neprižiūrint, viskas eina vėjais. (FŽ) (Когда хозяйка не присматривает, все идёт ветрами; или: на ветер)

~ **išeiti** «выйти»

Jaunystė kaip an vėjo išėjo [betarnaujant]. (LKŽ) (Молодость как на ветер ушла [на службе, пока служил(а)].)

~ **nueiti** «уйти»

Iš jo akių šis ponas tuoj įspėjo: visi grasinimai nueis ant vėjo. (LKŽ) (По его глазам господин тут же понял: все угрозы уйдут на ветер.)

С глаголом **eiti** существует также сочетание **vėjais ateiti** «прийти ветрами», означающее «легко достаться»:

Atėjo [turtas] vėjais, išėjo vėjais. (FŽ) (Пришло богатство [ветрами], уйдёт ветрами.)

Из этого можно сделать вывод, что общая семантика этого глагола относительно ветра – легкость (потери или приобретения), отсутствие серьезности намерения или труда.

Также есть семантическая пара

vėjo duoti⁶ «дать ветра» – отругать

Sutikęs aš jam duosiu vėjo. (FŽ) (При встрече я ему дам ветра.)

и

vėjo gauti «получить ветра» – быть отруганным

Parėjau naktį, tai gavau vėjo nuo žmonos. (FŽ) (Пришёл домой ночью, так получил ветра от жены.)

Однако сочетание с однокоренным глаголом **gaudyti** «ловить» означает уже «заниматься бессмыслицей»:

Račią turėdamas, ir jis vėjų negaudys. (FŽ) (Имея жену, и он ветра не будет ловить.)

6

Подобную семантику имеет и сочетание *vējā krauti ī kubilā* «ветер складывать в кадку».

Kā sūnus veikia? - Ogi vējā kubilā krauna. (FŽ) (Что сын делает? – А вот ветер в кадку кладет.)

Интересны также фразеологизмы с глаголом *misti* «питаться». Например, сочетание *vēju misti* «питаться ветром» означает «голодать»:

Piemenēlis beveik kasdien vēju minta. (Пастушок почти каждый день ветром питается.)

Однако похожее выражение *geru vēju išmisti* «выкормиться хорошим ветром» означает уже «выжить»:

Jei išmisiu geru vėjū, reiks tūs staldaliūs taisyti. (LKŽ) (Если выкормимся хорошим ветром, нужно будет эти столы чинить.)

Здесь мы видим один из немногих примеров ФЕ с ветром положительной коннотации, и, как и в случаях, представленных ниже, положительная коннотация определяется прилагательное «хороший»:

geru vėjū linkęs/ krīķēs «хорошим ветром наклонённый/упавший» – «хорошо настроенный» (о человеке)

Jei geru vėjū linkęs, paskolins. (FŽ) (Он хорошим ветром наклонён, одолжит.)

Таким образом, можно сделать вывод, что ветер по умолчанию имеет нейтрально-отрицательную коннотацию, и чтобы выразить положительное значение, ФЕ требует дополнительного слова, например, «хороший».

Предложно-падежные

В основном эти конструкции повторяют глагольные с глаголом «идти», только в данном случае глагол опущен.

Из значений можно выделить также бессмысленность, бесполезность, например,

į vėją «на ветер»

Visa jis į vėją kalbėjo. (LKŽ) (Всё он на ветер говорил.)

Часто такие конструкции выступают обстоятельством места, обозначая неизвестное место или направление:

ant keturių vėjų «на четыре ветра»

Iškeliavom po sietą ant keturių vėjų – ieškom šakelės sukti sau lizdelį. (LKŽ) (Отправились по миру на четыре ветра – ищем веточки вить себе гнёздышко.)

ant tuščio vėjo «на пустой ветер»

Kur tu jį siųsi ant tuščio vėjo. (LKŽ) (Куда ты его пошлешь на пустой ветер.)

į visus vėjus «на все ветра»

Niekados jo neieškosiu, mane palikusio ir išbėgusio į visus vėjus paskui savo pavogtus eržilus. (LKŽ) (Никогда его не буду искать, меня оставившего и убежавшего на все ветра вслед за своими украденными конями.)

Можно предположить, что эти фразеологизмы также имеют опущенный глагол, так как похожие выражения с глаголом *paleisti* «отпустить» означают «прогнать», то есть послать в неизвестное место назначения.

Номинативные

Большая часть номинативных фразеологизмов имеет одинаковую семантику – *vėjavaikis* – буквально «ребенок, который гоняется за ветром», беспечный, безответственный человек, шалопут.

Встречается как само сочетание *vėjo vaikas*, так и другое выражение принадлежности к ветру –

*vėjo brolis*⁷ «брат ветра»

Visi žinojo, kad vaikinas savęs vertas, ne koks vėjo brolis. (FŽ) (Все знают, что парень стоящий, не какой-нибудь брат ветра.)

vėjų duktė «дочь ветра»

Buvai tu vėjų švilpiančių duktė - taip ir likai. (FŽ) (Была ты ветров свистящих дочь – так и осталась.)

vėjo paukštis «птица ветра»

Prisibendravai su visokiais vėjo paukščiais. (FŽ) (Наобщался со всякими птицами ветра.)

или сам человек уподобляется ветру:

gaisrų vėjas «ветер пожаров»

laũko vėjas «полевой ветер»

Ateidinėjo lauko vėjas namop. (LKŽ) (Приходил полевой ветер домой.)

Помимо этого, так или иначе почти все номинативные фразеологизмы этой группы описывают нейтрально-негативные или негативные явления: бессмысленность (как в предложно-падежных), пустоту, например:

vėjų kalba «язык ветров» – бессмыслица

Juk ji ir pati žino, kad tai neįmanoma, kad tai vėjų kalba. (FŽ) (Ведь и сама знает, что это невозможно, что это язык ветров.)

dyki vėjai «пустые ветра» – болтовня

Ką čia sapalioji dykus vėjus. (FŽ) (Что ты тут болтаешь пустые ветра.)

Предикативные

Как и в предыдущих двух категориях, в предикативных фразеологизмах встречаются такие, которые описывают рассеянного, непутёвого человека:

devyni vėjai pučia galvoje «девять ветров дуют в голове»

Jam šiandien devyni vėjai galvoj pučia. (FŽ) (У него сегодня девять ветров в голове дуют.)

vėjai mušasi po galvą «ветра мечутся в голове»

Jaunas, durnas – vėjai mušas po galvą. (LKŽ) (Молодой, дурной – ветра мечутся в голове.)

Однако большая часть предикативных фразеологизмов имеет схожую семантику перемены как к лучшему, так и к худшему – ... ***vėjai papūtė/pučia***

«ветра подули/дуют». Так, в положительной коннотации используются прилагательные

kiti «другие»,

Ir Anykščių padangėje jau pūtė kiti vėjai: jau buvo atgauta spauda. (FŽ) (И в небе над Аникщей уже дули другие ветра: уже была возвращена печать.)

geri «хорошие»:

Papūtus geriems vėjams ir mes keisime savo sąlygas. (Когда подуют хорошие ветра, тогда и мы поменяем свои условия.)

Подобный фразеологизм с отрицательной коннотацией был найден только один, в нем негативность перемен отражается прилагательным *negeri* «нехорошие»:

Pajutęs, kad čia papūtė negeras vėjas, išbėgo į Poltavą. (FŽ)
(Почувствовав, что тут подули нехорошие ветра, сбежал(а/и) в Полтаву.)

Может передаваться также отсутствие новостей вовсе – отсутствием ветров соответственно:

vėjai nepučia «ветра не дуют»

Nuo Vaičienės betariant, nė vėjas nepučia, kaip persikėlė grūdai iš vienos į kitą klėtį. (FŽ) (Как говорит Вайчене, ни ветер не дует, как перенеслось зерно из одного в другой амбар.)

Употребление

В отличие от солнца и луны, ФЕ с ветром, согласно результатам корпусного исследования, употребляются чаще, хотя отношение употребляемых фразеологизмов к неупотребляемым всё же не превышает половины.

Однако можно с уверенностью сказать, что около трети всех ФЕ имеют примеры употребления, притом в достаточном количестве, в отличие от тех же лунных и солнечных фразеологизмов, большинство из которых имеет только 1-2 примера.

В группе предложно-падежных ФЕ примеры нашлись у 5 фразеологизмов – два из них относятся к описанию скорости (*[vienu] vēju, su vēju* – «[одним] ветром/ [с] ветром» – быстро), два обозначают бессмысленность, бесцельность (*ant vējo/vēju* «на ветер/ветра»), и одно – неизвестное направление (*j visus vējus* «на все ветра»).

Из глагольных употребляется не так много – 6 (*ant vējo paleisti* «пустить на ветер», *vėjai atpūtē* «ветра придули», *vėjais eiti* «ветрами идти», *vėjus gaudyti* «ветра ловить», *vėjo ieškoti lauke* «ветер искать в поле»).

В номинативной группе примеры нашлись только к четырём фразеологизмам – все с семантикой «шалапут, беспечный» (например, *gaisru vējas* «ветер пожаров, *vėjo paukštis* «птица ветра»).

Больше всего примеров, как и собственно в категории, так и на каждый фразеологизм, оказалось в группе предикативных ФЕ. Самыми популярными оказались выражения *vėjas švilpauja kišenėje* и *vėjai šoka (švilpia)* «ветер свистит (в карманах)», а также семантическая группа, связанная с переменами, хорошими/плохими новостями: на каждый из них приходится по крайней мере 10 примеров. Кроме того, если ФЕ с солнцем и луной

употреблялись в основном только в художественной литературе, то предикативные выражения с ветром преобладают в публицистике (например, сочетание *gaivūs vējai papūte* «свежие ветра подули» часто употреблялось в контексте спортивных новостей).

Глава 5. Сравнительный анализ

Сперва рассмотрим неравномерность в количестве ФЕ солнца и луны.

Такое неравное количество фразеологизмов, относящихся к луне и солнцу, не может не вызывать интерес, так как логично было бы предположить, эти, по сути, бинарные понятия будут относительно равно представлены во фразеологии.

Причины такого деления я попыталась найти в мифологии литовцев, сделав предположение, что объем представленности этих образов зависит от их важности в литовской картине мира. Йонас Бреткунас, например, в 1591 г. писал следующее: “Kits tarė, jog Saulė būtu Dievas, kits jog Mėnuo”.⁸ Можно было бы сделать вывод, что солнце и луна были примерно равны по степени почитаемости, с преобладанием культа каждого в конкретном регионе. Однако исследователь литовской мифологии Йонас Балис, например, пишет, что лунарный культ в литовской культуре был древнее, если не важнее, чем солярный [Balys 1998: 31], доходя даже до предположения, что многие мифы, приписываемые сегодня солнцу, были изначально посвящены луне. Он также ссылается на молитвы к молодому месяцу, которые были значительно интереснее и древнее, чем к солнцу (в которых уже упоминается «царство Перуна», указание на переход от язычества к единобожию, христианству). Однако, как можно наблюдать, количественно солнечные ФЕ превосходят лунные. Ко всему прочему, если луна может выражаться через ФЕ с солнцем (цыганское солнце, брат солнца и т. д.), то соответствующих примеров ФЕ с месяцем просто нет.

Й. Балис указывает на то, что образ солнца этнологами часто связывается с «патриархальными охотниками, а луны – с матриархальными собирательницами» [Balys 1998: 31]. Однако, взглянув на собранные нами

⁸Один говорил, что, мол, Солнце – Бог, другой – что Луна.

фразеологизмы, можно заметить, что именно ФЕ с солнцем, характеризующие людей, чаще всего описывают исключительно женщин, а ФЕ с луной – мужчин. Как видим, понятия поменялись местами, а это значит, что могла измениться и значимость этих образов, особенно с приходом христианства, которое, как правило, связывает луну и ночь с нечистыми силами. Другая версия могла бы заключаться в том, что ФЕ с луной так мало именно потому, что луна имела более сакральное значение, а значит, могло существовать табу на частое употребление луны всеу.

Есть, однако, общая черта у этих двух групп – процент употребительности. Соотношение ФЕ, найденных в корпусе, к тем, которые зафиксированы только в словарях, у обеих групп составляет примерно 18%, причем эта употребительность чаще ограничивается 1-2 примерами.

Фразеологизмы, связанные с ветром же, напротив, не только превосходят количественно обе группы вместе взятые, но и употребляются чаще – примерно треть всех ФЕ можно встретить в корпусе, и многие из них насчитывают более 50 примеров.

Что же касается коннотаций всех трёх образов, то если солнце и луна имеют в целом нейтральную, а солнце даже положительно-нейтральную коннотацию, то, как следует из семантического анализа ФЕ с ветром, коннотация у них редко является положительной.

Такое различие не может не вызывать вопрос, почему из всех рассмотренных нами природных явлений именно ветер воспринимается скорее негативно, и отражается ли это только во фразеологии, или же мы можем найти такое явление и в мифологии.

Для этого обратимся к исследованиям литовскому исследователю Альгирдасу Юлюсу Греймасу.

Так, например, он указывает на связь ветра с нечистой силой, с чертями, так как «если на дороге человек встретит вихрь, то к нему может чёртик пристать», ведь дорожные вихри есть ни что иное как свадьба мелких чёртиков, мелкой ветряной нечисти. Самих чертиков, ко всему прочему, иногда называют *pūsčiai*, от лит. *pūsti* «дуть» [Греймас 2017: 151].

Кроме того, на связь ветра с нечистью указывает и то, что его антропоморфная сущность, как и литовская нечисть айтварас (с которым Греймас отождествляет Ветер [Греймас 2017: 149]) и Вяльняс (чёрт) относятся к специфической группе божеств, которые настроены против употребления ножа – только им можно убить и ранить Ветер. Обычно в мифах человек бросает в вихрь нож, а когда позже сталкивается с антропоморфной сущностью Ветра (например, в виде старика), лицо у того оказывается изрезано и окровавлено.

Соответственно, и общую негативную оценку образа ветра, и характеристики непоседливости, безделья, которые широко представлены в номинативных и глагольных фразеологизмах, можно связать с мифологическим образом ветра как нечисти, так как те же черти, с которыми отождествляются ветряные духи, в литовском фольклоре скорее шаловливы, чем грозны: они не всеильны и потому более всего похожи на людей, их можно провести.

Однако не будем забывать про другую характеристику ветра, которую мы выделили в группе предикативных фразеологизмов – дуальность (новости, которые несёт ветер, могут быть как хорошими, так и плохими). Соответствие этой характеристике мы можем встретить у Дайнюса Разаускаса, который, говоря об образе ветра в балтийском фольклоре, упоминает бога Вейопатиса (*vėjo viešpatis* – ветряной господь/бог). Так, он приводит записи историка Матаса Преторюса (1635 - 1707), который в числе прочего пишет, что «у него было два лица, одно спереди, второе сзади, оба

рта широко раскрыты» [Razauskas 2004: 115]. Кроме того, в фольклоре дуальность ветра проявлялась не только в буквальном двуличии, но и в разделении бога на двух братьев-ветров, один из которых, как правило, хороший, а другой – злой. Например, в одном из мифов один брат сдувает человека с моста, но затем прилетает другой и ищет для него честного суда.

Так что, как видим, хотя ветер как фольклорный образ и способен совершать не только зло, негативная коннотация всё же преобладает. Вероятно, по этой причине фразеологизмов с ветром сохранилось гораздо больше, нежели с луной и солнцем. Изучая в прошлом году проклятия и пожелания в литовском языке, я наткнулась на тот же результат – количество зафиксированных проклятий сильно превосходило количество пожеланий добра. Предполагаю, что такое происходит в следствие того, что, как это ни печально, негативно окрашенные фразеологизмы употребляются чаще, и зачастую более экспрессивны, чем ФЕ с позитивной коннотацией.

Заключение

В ходе исследования были проанализированы теоретические основы фразеологических оборотов и проведен структурно-семантический анализ фразеологических единиц с солнцем, луной и ветром. Было отобрано в общей сложности ... фразеологические единицы. Мы ознакомились с понятием и особенностями фразеологических единиц, рассмотрели классификации, предложенные различными лингвистами, а также составили классификацию фразеологизмов по структурным типам и рассмотрели фразеологизмы с образами природных явлений с положительной, отрицательной и нейтральной коннотацией.

В ходе исследования было отмечено, что преобладающая структурная группа в фразеологизмах с солнцем – номинативная, с луной – сравнения, с ветром – предложно-падежная и глагольная в почти равных количествах. В общем же одними из самых крупных групп оказались предикативные и номинативные фразеологизмы.

С помощью корпуса литовского языка была изучена также употребительность этих фразеологических единиц на сегодняшний день. В ходе исследования обнаружилось, что количество употребляемых в текстах ФЕ, к сожалению, не превышает 30 процентов от всего объема собранного материала.

Коннотацию фразеологизмов в каждой из групп можно описать следующим образом: солнце – нейтрально-положительная, луна – нейтрально-отрицательная, ветер – нейтрально-отрицательная, негативная.

Однако, если судить по ФЕ, встреченным в корпусе, употребляются в основном ФЕ с нейтрально-отрицательной коннотацией.

В ходе исследования также были обнаружены интересные связи с литовской мифологией, как, например, негативный мифологический образ

ветра, неоднозначные родственные отношения солнца и луны, их роли в мифологии и религии литовцев, и несоответствие этих ролей объему и характеру представленных фразеологизмов.

В целом же, основываясь на результатах исследования, можно заключить, что солнце в народном представлении – положительный образ, ассоциирующийся с жизнью, радостью, природой, женской красотой.

Луна, несмотря на ее большое значение в мифологии, во фразеологии предстаёт как символ переменчивости, непостоянства, странности или болезненности, но также и весёлости.

Ветер же является непоседливым, беззаботным, лёгким, быстрым, пустым. При этом сохраняется мифологическая двойственность образа: несмотря на внешнюю лёгкость и беспечность, это сильная сущность, которая может принести как плохое, так и хорошее.

Список литературы

1. Balys, Jonas. Raštai. T I. – Vilnius: Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas, 1998.
2. Greimas, Algirdas Julius. Lietuvių mitologijos studijos. – Vilnius: Baltos lankos, 2005.
3. Jakaitienė, E., Leksikologija. – Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla, 2010.
4. Laurinkienė, Nijolė. Dangus baltų mitiniame pasaulyje. – Vilnius: Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas, 2019.
5. Marcinkevičienė, R. Tradicinė frazeologija. – Kaunas: Baltistica, 2001.
6. Minkevičiūtė, A. Laimę išreiškiantys zoomorfiniai frazeologizmai lietuvių ir rusų kalbose gretinamuoju aspektu, magistro darbas, Vilnius, 2013.
7. Palionis, Jonas. Kalbos mokslo pradmenys. – Vilnius: Mokslas, 1985.
8. Razauskas, Dainius. Vėjūkas. – Vilnius: Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas, 2004.
9. Балли Ш. Французская стилистика. – Москва: Эдиториал УРСС, 1961.
10. Виноградов В.В. Лексикология и лексикография: Избр. Тр. – Москва: Наука, 1977.
11. Гвоздарев, Ю. А. - Современный русский язык: лексикология и фразеология. Москва – Ростов на Дону: МарТ, 2009.
12. Голуб И.Б. Стилистика русского языка. – М.: Айрис-пресс, 2007.

- 13.Греймас, А. Ю. О богах и людях. Исследования по литовской мифологии. – Vilnius: Baltos lankos (пер. – Неолит), 2017.
- 14.Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. Учебное пособие для институтов и факультетов иностранного языка. – Москва: Высшая школа, 1996.
- 15.Лосев А.Ф. История античной эстетики. Последние века. – 1-е изд., Москва: Искусство, 1988.
- 16.Мокиенко В.М. Славянская фразеология. – Москва, 1989.
- 17.Назарян А.Г. Фразеология современного французского языка. – Москва: Высшая школа, 1987.
- 18.Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – Москва: Языки русской культуры, 1996.
- 19.Федосов И.А. Функционально-стилистическая дифференциация русской фразеологии. – Ростов-на-Дону, 1977.
- 20.Шанский Н.М. Лексика и фразеология современного русского языка. Москва: гос. Учебно-педагогическое издательство министерства просвещения РСФСР, 1957. 167с.
- 21.Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. – Спб: Специальная литература, 1996.

Источники:

23. Lietuvių kalbos žodynas (t. I – XX, 1941–2002): elektroninis variantas.

24. Lietuvių kalbos frazeologizmų žodynas. [Электронный ресурс] – <https://www.lietuviuzodynas.lt/frazeologizmai>

25. Lietuvių kalbos tekstynas (Корпус литовского языка). [Электронный ресурс] – <http://corpus.vdu.lt/lt/>